

Педагогическая деятельность Михаила Фабиановича Гнесина

Завершив свое среднее (общее и музыкальное) образование в Тифлисе, в 1907 году я направился в Петербург для получения высшего образования. Я поступил на юридический факультет Петербургского университета и собирался поступать в консерваторию в класс специальной теории композиции.

Для того, чтобы упорядочить и пополнить знания, полученные в Тифлисском музыкальном училище, я решил предварительно позаниматься с кем-либо из старших студентов консерватории и обратился за советом к Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову.

В то время в классе композиции Петербургской консерватории обучались такие яркие студенты, как Н. Мясковский, М. Штейнберг, Б. Асафьев, С. Прокофьев, М. Гнесин, В. Беляев, А. Шапошников, В. Щербачев и другие.

Николай Андреевич принял меня у себя на квартире на Загородном проспекте, в своем рабочем кабинете. Тут же присутствовал один из учеников Николая Андреевича — Игорь Стравинский. Узнав, что я кавказец, Николай Андреевич поинтересовался музыкальной жизнью Закавказья, говорил об А. А. Спендиарове, о певице Н. Папаян и, узнав о цели моего прихода, сказал:

— В качестве педагога я рекомендую вам студента класса фуги и практического сочинения Михаила Гнесина: он хороший, образованный музыкант и сумеет вас

В. Тер-Гевондян

Будучи учеником Н. А. Римского-Корсакова, М. Ф. Гнесин был связан с традициями русской классической музыки, а также с прогрессивными революционно-демократическими течениями общественной мысли. Он всегда проявлял внимание и чуткость к своим ученикам, заботливо направляя их по пути реализма.

Помимо обычных занятий по теории и слуховому анализу, Михаил Фабианович периодически знакомил меня с лучшими образцами русской и западноевропейской классической музыки «Классическая музыка — говорит не раз Михаил Фабианович, — должна служить лучшим образцам классической музыки, а для этого надо побольше слушать хорошую музыку, читать клавиры и партитуры». Особенно много говорил Михаил Фабианович о творчестве композиторов «мелочей кучки», о Чайковском. Мне не раз приходилось слушать на уроках отрывки из опер «Кашей бессмертной», «Сказание о граде Китеже и девице Февронии» Римского-Корсакова, сочинения Глинки, Мусоргского. Демонстрируя произведения гениальных русских композиторов, Михаил Фабианович в своих высказываниях проявлял исключительную наблюдательность и глубину мысли.

Будучи учеником Н. А. Римского-Корсакова, М. Ф. Гнесин был связан с традициями русской классической музыки, а также с прогрессивными революционно-демократическими течениями общественной мысли. Он всегда проявлял внимание и чуткость к своим ученикам, заботливо направляя их по пути реализма.

Пытливо изучая историю и самобытное народное творчество, Михаил Фабианович учил нас неустанно совершенствовать мастерство и, опираясь на традиции классической художественной культуры, отображать и воспевать жизнь своего народа.

Углубленный интерес к музыкальному фольклору как своего народа, так и других народностей, с представителями которых ему приходилось сталкиваться, особенно способствовал сближению его с учениками.

Будучи от природы человеком необыкновенной моральной чистоты, весьма добрым и отзывчивым, Михаил

* Композитор, ученик А. К. Лядова и А. К. Глазунова, народный артист Армянской ССР, профессор Ереванской консерватории.

Фабианович дарил своим ученикам партитуры великих мастеров.

Я не раз замечал у Михаила Фабиановича необыкновенную любовь и интерес к древней истории, которую он знал отлично. Особенно живо Михаила Фабиановича привлекал древний Восток с его причудливыми сказаниями. Большой интерес он проявлял и к истории культуры древнего армянского народа, и наши официальные взаимоотношения ученика и педагога стали более близкими и теплыми с тех пор, когда мы стали подолгу беседовать о музыкальном фольклоре. Я знакомил Михаила Фабиановича с армянскими народными песнями, как в подлинниках, так и в обработках талантливейшего армянского композитора Комитаса, с которым впоследствии Михаил Фабианович познакомился, будучи проездом в Константинополе в 1914 году.

Произведения Комитаса, являющиеся шедеврами армянской вокально-хоровой музыки, производили на Михаила Фабиановича исключительное впечатление.

Михаил Фабианович не раз приходил на репетиции хорового кружка армянского землячества, которым я руководил в 1908—1913 годах, чтобы в живом исполнении слушать армянские народные песни в обработках Комитаса.

В один из своих приездов в Тифлис, где он всегда был желанным гостем моей семьи, Михаил Фабианович познакомился со слепым музыкантом-виртуозом Василием Мамиконяном, исполнявшим на таре армянские и иранские песни. Искусство тариста Мамиконяна приводило Михаила Фабиановича в восхищение.

Знакомясь с армянским музыкальным фольклором, М. Ф. Гнесин старался изучить характерные черты армянского народного мелоса, его ладоинтонационные, метроритмические особенности, закономерности интонационного развития. Результатами своих творческих наблюдений и изысканий он делился со мною, а в дальнейшем и с другими студентами-армянами, которые, по моему примеру, стали учиться музыкально-теоретическим наукам и композиции у М. Ф. Гнесина.

Сам М. Ф. Гнесин в своих воспоминаниях о том периоде, когда я занимался у него, пишет следующее: «...Не помню сколько времени мы занимались с Тер-Гевонтяном до поступления его в консерваторию, но за это

время мы очень сдружились с ним, и я еще долго продолжал просматривать его сочинения. Он же, в свою очередь, мне и другого молодого композитора, С. Бархударяна, учившегося некоторое время за границей, оба мои друга-музыканта, помимо их одаренности, радовали меня творческими находками колоритного тематического материала и попытками соответствующей гармонизации, особенно ценными в этот начальный период создания новой армянской музыкальной культуры. Вероятно, и Тер-Гевондян, и Бархударян не отказались бы подтвердить, что в моих занятиях с ними я старался помочь им в этих попытках. Обучая их, я сам учился колоритно и строго гармонизовать народную музыку»^{*}.

Помимо народных песен, Михаил Фабианович интересовался и образцами армянских средневековых духовных песнопений — «шараканами». Слушая «шараканы», Михаил Фабианович находил в их интонационных особенностях некоторое сходство с древнееврейскими псалмами.

Мои регулярные занятия по музыкально-теоретическим дисциплинам под руководством М. Ф. Гнесина дали мне возможность последовательного музыкального развития. Я начал применять свои знания, занявшись в первую очередь обработкой армянских народных песен. Узнав об этом, Михаил Фабианович снабдил меня несколькими образцами обработок русских народных песен, как, например, сборником русских народных песен, составленным Балакиревым, а также серией сборников русских народных песен в записи и обработке Римского-Корсакова, Лядова, Ляпунова и других. Из всех указанных сборников он весьма подробно останавливался на балакиревском сборнике («40 русских народных песен»). Детально анализируя этот сборник, Михаил Фабианович старался раскрыть творческие намерения Балакирева, знакомил с лучшими музыкальными произведениями, в качестве тематического материала которых были использованы песни из сборника Балакирева, со «сценой под Кромами» из оперы «Борис Годунов» Мусоргского, «сценой вольницы» из оперы «Псковитянка» Римского-Корсакова и многими другими.

^{*} Из воспоминаний М. Ф. Гнесина. Архив.

Большое значение Михаил Фабианович придавал занятиям слуховым анализом имел свои интересные методические приемы развития слуха учащихся. Он по натуре был добр, но вместе с тем и требователен к своим ученикам. Занимался с учениками с величайшим бескорыстием, посвящая этому делу много труда, энергии, времени. Михаил Фабианович никогда не задевал самолюбия ученика. Если ему что-нибудь не нравилось, он замечал спокойно: «Ну! Конечно», если бывал доволен, решительно произносил «Вот это ничего», а в тех случаях, когда ему не нравился тематический материал, иронически говорил: «Трогательно».

Весной 1908 года мы с Михаилом Фабиановичем были в Народном доме, где в присутствии автора исполнялась «Сказка о царе Салтане». Успех оперы был большой. Слушатели, заполнившие зрительный зал, устроили овацию Римскому-Корсакову.

В 1909 году я решил держать вступительный экзамен в класс специальной теории композиции. Мною были представлены армянские народные песни в обработке для смешанного хора и для голоса с сопровождением фортепьяно, а также два романса на слова армянских поэтов. В экзаменационную комиссию входили А. К. Глазунов, А. К. Лядов, Н. И. Черепнин. После окончания экзамена Анатолий Константинович Лядов, узнав от меня, что я являюсь учеником М. Ф. Гнесина, сказал: «Видна хорошая, вдумчивая и добросовестная работа вашего педагога, армянские песни очень колоритны, мы вас зачислим в консерваторию».

Вступительный экзамен мой происходил в кабинете А. К. Глазунова. Выйдя после экзамена из кабинета в приемную, я увидел Михаила Фабиановича, а также человека преклонного возраста, сидевшего в углу приемной на диване. Узнав о результате экзамена, Михаил Фабианович тихо, почти шопотом поздравил меня и, когда мы вышли в коридор, сказал мне: «А вы знаете, кто этот пожилой человек, который сидит в приемной? Очевидно, он пришел по делу к Глазунову и ждет окончания экзамена, — этот старичок и есть Милий Алексеевич Балакирев».

Поступив в класс специальной теории композиции, я не прерывал связи с Гнесиным, мы стали друзьями.

Армянская музыкальная культура в то время нужда-

лась в профессиональных композиторах, которые бы посвятили свои силы и знания изучению и творческому использованию в своем творчестве богатых особенностей песен своего народа.

Это прекрасно знал и понимал М. Ф. Гнесин, который с редким трудолюбием, интересом и любовью занимался с учениками своими знаниями и опытом.

Очень многое сделал Михаил Фабианович для Армении в деле подготовки профессионалов-композиторов национальных кадров творческих работников. После меня у Михаила Фабиановича занимались композиторы С. Бархударян, Аро Степанян, Арам Хачатурян, Григорий Восканян, Иван Натиров, Г. Мелакян и другие.

Михаил Фабианович Гнесин, как яркий последователь прогрессивных традиций русской школы, через своих учеников оказал большое влияние на развитие реалистического направления в современной армянской музыке. Деятельность М. Ф. Гнесина была проникнута горячей любовью и живым интересом к жизни и культуре многих народов нашей многонациональной родины.

В Армении Михаила Фабиановича Гнесина знают и любят за то, что он с большим интересом относился к армянской литературе и искусству.

Армянские композиторы старшего поколения, которым выпало счастье быть учениками М. Ф. Гнесина, вспоминают с благодарностью о своем первом талантливом педагоге, заветы которого они из года в год передают молодому поколению.

М. Ф. ГНЕСИН В СТУДИИ В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДА

Через всю жизнь пронесены воспоминания о 1913—15 годах, когда я работала в студии В. Э. Мейерхольда в Петербурге — Петрограде. Обаяние Мейерхольда и Гнесина захватывало студию творческим вдохновением. Сейчас буду говорить только о Михаиле Фабиановиче.

Михаил Фабианович Гнесин вел в студии курс ритмической музыкальной речи.

Для меня — тогда ученицы Школы балетного искусства А. и И. Чекрыгиных — речь актера была мало интересна, я пришла в студию из-за искусства пантомимы, которое увлекало В. Э. Мейерхольда. Именно в пантомиме видел он фундамент актерского искусства. Но курс Михаила Фабиановича выливался из берегов. Даже странно применять слово «курс» — сухое и формальное — к тому огромному искусству, которым занимался Гнесин! Организация речи актера была не только ритмическая. Она была и музыкальная, то есть включала элементы мелодии, темпа, тональности. И это, конечно, рождало вопрос: а как же двигаться актеру при такой музыкальной речи? Как организовать жест, если диалог организован музыкально? Проекция всего поведения актера требовала ответа, требовала организации. Можно только представить себе, какую интересную и полную систему воспитания актера можно было бы построить, исходя из принципа музыкальной организации речи.

* Хореограф, ученица М. Ф. Гнесина по студии В. Э. Мейерхольда.

зато при этом...
вот...
было...
пришло...
К. С. Станиславский...
и в частности...
через...
доискать...
пенне.

К сожалению первая мировая война разбита студию, разметала людей и разъединила Михаила Фабиановича Гнесина и Всеволода Эмильевича Мейерхольда.

Незабываем и человеческий облик Гнесина.

Сложное сочетание исключительной простоты и задушевности с замкнутой сдержанностью, почти суровой молчаливостью и задумчивостью. Задумчивость, овеянная легкой печалью. Это не была несчастливицкая печаль: казалось, так много творческих замыслов в душе, что их трудно воплотить в жизнь, и отсюда — тень печали в раздумье.

Скромность Михаила Фабиановича граничила с застенчивостью, но была в нем благородная гордость творца, уверенно идущего своим путем.

Образ Гнесина настолько многогранный и содержательный, что в этой короткой заметке трудно выжать его цельность.

Противоречивый в деталях, при поверхностном взгляде, на самом деле он гармонично сочетал разнообразные краски большой человеческой личности.

Педагог-мастер, педагог-художник, проникновенный музыковед, разносторонний композитор — тонкий и глубокий; живой общественник и обаятельный человек — таким был Михаил Фабианович.

Никогда не потускнеет воспоминание о нем у тех, кому выпало счастье близко с ним общаться.

* К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. Госизд «Искусство», 1954, стр. 370.